

Самарский национальный исследовательский университет
им. С. П. Королёва
Социально-гуманитарный институт
Кафедра русской и зарубежной литературы и связей
с общественностью
Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького

РЕКИ ОГНЕННЫЕ АРТЁМА ВЕСЁЛОГО. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА

К 90-летию профессора В. П. Скобелева

Монография

Самара
2021

УДК 821.161.1(092) Весёлый А.
ББК 83.3 (2Рос=Рус)6-8 Весёлый А.
Р36

Издание книги осуществлено на средства Губернского гранта
в области науки и техники за первое полугодие 2021 года
(Распоряжение губернатора Самарской области от 12.03.2021 г. № 62-р).
Руководитель проекта профессор **С. А. Голубков**

Рецензенты:

О. Ю. Алейников, кандидат филологических наук, доцент Воронежского государственного университета
Е. И. Погорельская, научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ имени А. М. Горького РАН
И. С. Урюпин, доктор филологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета

Ответственный редактор:

Н. М. Малыгина, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела рукописей ИМЛИ имени А. М. Горького РАН

Редакторы-составители:

М. А. Перепёлкин, доктор филологических наук, профессор Самарского национального исследовательского университета им. С. П. Королёва, старший научный сотрудник Самарского литературно-мемориального музея им. М. Горького
Е. В. Говор, доктор философии (PhD), научный сотрудник Австралийского национального университета, Канберра, Австралия

Реки огненные Артёма Весёлого. Проблемы изучения биографии и творчества. К 90-летию профессора В. П. Скобелева : монография / *Г. А. Весёлая, Е. В. Говор, С. А. Голубков [и др.]* ; под ред. *Н. М. Малыгиной, М. А. Перепёлкина, Е. В. Говор*. – Самара : ООО «Научно-технический центр» ; ИП Зуев С. А., 2021. – 241 с.

ISBN 978-5-98229-468-5

В монографии освещаются проблемы изучения биографии и творчества уроженца Самары, русского советского писателя Артёма Весёлого (Николай Иванович Кочкурова, 1899–1938). Первый раздел составили исследования, которые вместе представляют принципиально новый опыт реконструкции генеалогии и биографии Артёма Весёлого, основанный на редких и уникальных документах, обнаруженных в последние годы. Во второй раздел вошли работы, посвященные исследованию поэтики ряда произведений писателя, а также его творческого диалога с современниками.

УДК 821.161.1(092) Весёлый А.
ББК 83.3 (2Рос=Рус)6-8 Весёлый А.

ISBN 978-5-98229-468-5

© Коллектив авторов, 2021

Е. В. Говор

МОЙ ДЕД АРТЁМ ВЕСЁЛЫЙ: ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СЛЕДАМ ПРЕДКОВ

*И мой самый далёкий и самый близкий предок –
частица меня самого.*

Артём Весёлый. «Осеннее»³³

17 (29) сентября 1899 года в семье самарского крючника Ивана Николаевича Кочкурова родился сын Николай. Ему будет немногим более 20 лет, когда он станет Артёмом Весёлым, название его романа «Россия, кровью умытая» станет символом эпохи, книги его разойдутся по всей стране многотысячными тиражами, переводчики будут ломать перья, пытаясь перевести его взвихренную речь на иностранные языки, и советские и западные критики начнут писать о нём, как об одном из самых ярких и талантливых представителей молодой советской литературы. Ему не будет ещё сорока, когда прах его смешается с прахом других жертв сталинщины в подмосковной Коммунарке.

Отец и мать в литературе и в жизни

Артём не успел написать воспоминания о своей жизни, устремлённой в будущее, в бескрайний белый свет. И всё же прошлое, истоки, играли важную роль в его судьбе, и он сам нет-нет да и обронял словцо о нём. Отправимся и мы по следам предков Артёма, в тот осенний самарский день 1899 года. Артём говорил о себе: «Первый грамотный в роду»³⁴, и это было действительно так. Заштатный священник Троицкой церкви Пётр Майеранов, крестивший младенца, записал его

---

³³ *Весёлый А.* Осеннее // *Его же.* Избранное / сост., вступ. ст. и ком. *З. А. Весёлой.* – М.: Правда, 1990. – С. 278.

³⁴ *Чарный М.* Артём Весёлый : критико-биографический очерк. – М.: Советский писатель, 1960. – С. 11. Эти слова Артём Весёлый сказал своей второй жене, В. Я. Орловой.

в метрическую книгу под именем Николая Чикурова³⁵, вероятно не услышав фамилию Кочкуров, а родители и крёстные по неграмотности не смогли проверить, что там было написано.

Первые двадцать лет жизни Артёма были тесно связаны с Самарой, его родным городом, с его семьёй, и как бы далеко не улетал он от родных мест, отзвуки его детства и юности всегда звучали и в его душе, и в произведениях. Вспоминалось оно по-разному. В письме своему другу Анатолию Глебову он писал: «Страшное детство среди скотов и зверей. Эх, Толька, тебе не понять этого, ты рос барчком и из-за этого многое хорошее, заложенное в тебе, развилось, за тобой следили, ухаживали, воспитывали, кормили ежедневно вкусно и досыта, заботились»³⁶. Но были и другие воспоминания. В минуту любви он сказал моей бабушке, Люсе (Людмиле) Борисевич: «Мне так хорошо, как будто я еду святить куличи»³⁷. Эта пасхальная ночь тоже была оттуда, из самарского детства. Каким же было окружение, в котором формировался мир будущего писателя?

В раннем творчестве Артёма Весёлого есть цикл произведений о семье Рулёвых, навеянных его собственными самарскими детством и юностью. Это рассказы «Первая получка», «На верной тропе» (выходил также под названием «Ольга Рулёва»), «Братья Рулёвы». К этому же циклу принадлежит и его первая пьеса «Разрыв-трава». Несомненно автобиографичными были и несохранившиеся произведения 1917–1918 годов «Начало повести о самом себе» и «Рассказ о рабочей слободке». Как отмечает литературовед Стив Левин, это самый «горьковский» пласт его творчества³⁸. Мужчины, отцы в этих историях предстают жёсткими, авторитарными самодурами, пьющими, избивающими жён и детей. Матери – покорными и забитыми, но беззаветно любящими своих детей.

---

³⁵ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 33. Ед. хр. 469. Л. 125, об.

³⁶ Весёлый А. – Глебову А. 27 июня 1921 (копия, заверенная А. Глебовым) // Семейный архив Артёма Весёлого, Москва (в процессе передачи в РГАЛИ). – Папка 23. Здесь и далее указаны временные номера папок, которые изменятся после обработки архива РГАЛИ.

³⁷ Борисевич Л. И. Воспоминания об Артёме Весёлом (из семейного архива) // Волга (Саратов). – 1990. – № 3. – С. 143.

³⁸ Левин С. Х. Артём Весёлый. Начало творческой биографии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2017. – Т. 19, № 1. – С. 88, 89.

Дети – противостоящими насилию и несправедливости старого мира и ищущими новых путей.

Было бы заманчиво наложить этот трафарет на семью самого Артёма. Начать с того, что имена родителей в рассказе «Первая получка» – Иван и Феклуша – созвучны с именами родителей самого Артёма, которых звали Иван Николаевич и Федора Кирсановна. Не случайны имена родителей и в рассказе «На верной тропе» – Николай и Евдоха, – как мы увидим далее, это имена родителей Ивана Николаевича. Евдоха, архетипическая мать, появляется и в «России, кровью умытой», в главе «Хомутово село». Когда на неё бросается с горящей головнёй её пьяный сын, набравшийся новых идей и требующий убрать иконы из хаты, Евдоха бежит от него по сельской улице и, оглядываясь, кричит:

– Брось, сынок, брось... Руку-то обожгёшь...

За этим следует голос за кадром самого Артёма: «Сердце матери... Ну где, где набрать слов, чтоб спеть песнь материнскому сердцу?..»³⁹. В пьесе «Разрыв-трава» имена родителей, сторонников старого, – Фёдор Карга и Лукерья. Лукерья тоже имя не случайное, это вторая бабушка Артёма, с материнской стороны.

Сам Артём о своих родителях писал:

«Отец. Здоров. Силён. <...> К алкоголю с молодых годов питал отвращение и пьяницей никогда не был, хотя, случалось, с устатку выпивал. Крутой. Трудолюбивый. Честный. Упрямый. Самодур. Широкая, бурлацкая натура».

«Мать. До замужества (19 лет) росла в деревне, батрачила. За всю жизнь ни разу не болела. Родила 14–15 человек. С жизненным практицизмом соединила в себе любовь к природе и мягкость русской женщины»⁴⁰.

В начале 1920-х годов Артём перевёз родителей в Москву, на Покровку, в общежитие молодых писателей, где ему выделили комнату. Жена Артёма, Люся Борисевич, работавшая его литературным секретарём и прожившая с ним одиннадцать последних лет его жизни, с теплотой

---

³⁹ *Весёлый А.* Россия, кровью умытая : роман. Фрагмент. – Куйбышев : Куйбышевское книжное издательство, 1979.

⁴⁰ *Весёлый А.* Я в свете науки // Фригина газета. – [1921]. – № 2 // Семейный архив Артёма Весёлого, ныне переданный в РГАЛИ и находящийся в обработке, Москва. – Папка 4 (здесь и далее временная нумерация). – Л. 58.

вспоминала о его родителях: «Несмотря на то, что родители Артёма были простые люди, оба неграмотные, в них не было ни грубости, ни мещанства. Дедушка, т. е. отец Артёма, был закоренелый (как это ни странно) атеист. Любил и чувствовал слово, образ, ценил остроумную мысль, обладал чувством юмора. Во всём этом Артём – его сынок. Бабушка была истинно верующей, но не только в этом была противоположностью мужу. Она была крупная, белая, дебелая, с добрым разрезом голубых глаз, поважная. Артём в Бога не верил, но очень любил мать. Каждый церковный праздник у неё – пироги; Артём всё бросает и едет к матери. С дороги первое письмо – ей, первый подарок – ей, и всё это без слащавых слов и поцелуев. И она отвечала ему, как и дедушка, беззаветной любовью. Артём любил бывать у стариков, слушать их речи и черпал через них из глубоких недр русского языка. Немало, благодаря им, написал он столько слов в «Толковый словарь» Даля»⁴¹. Родные Артёма вспоминали, что все поля в словаре были покрыты вставками, сделанными Артёмом. Словарь этот, как и вся огромная библиотека, сгинул после ареста Артёма 28 октября 1937 года.

К семейным воспоминаниям о родителях Артёма можно добавить и такой характерный факт. Хотя первая гражданская жена Артёма, Гитя Григорьевна Лукацкая, была еврейкой, и прожил с ней Артём совсем недолго, Федора Кирсановна приняла именно её как свою единственную невестку, а их дочерей, Гайру и Заяру как своих внучек. Церковное понятие о нерасторжимости брака, как кажется, мирно уживалось в душе Федоры Кирсановны с отсутствием ксенофобии по отношению к иноверцам. Добавим, что вторая гражданская жена Артёма, Вера Яковлевна Орлова, тоже была еврейкой, а третья – Люся (Людмила) Иосифовна Борисевич – православной белоруской, и Артём в равной мере любил детей от трёх браков и заботился о них.

Всё это показывает, что образы родителей, представленные в его ранних работах, и особенно тирана/буяна отца, хотя и основаны на первых жизненных впечатлениях начинающего писателя, представляют собой не бытописание, а литературу, попытку создать литературный образ, отвечающий художественным и идейным задачам автора. С учётом этого расхождения посмотрим на начало рассказа «Первая получка»:

---

⁴¹ *Борисевич Л. И.* Артем. 1948: [воспоминания] // Архив Елены Говор, Канберра, Австралия. – С. 6–7.

«Бедно жила семья крючника Ивана Рулёва.

Сам по летам работал на пристанях, а зимами, когда жизнь на Волге замирала, сапожничал и клал слобожанам печки. Мать ходила по людам, стирала бельё, полы мыла. Рожала каждый год – ровно блины пекла – по одному да по два. Не приживались ребятишки: месяц, другой, много-много годик помается да и свернёт голову под крыло.

Шутка сказать: родила-родила Феклуша, счёт потеряла, а в живых осталось два погодка – Кирилка да Ольгунька. На чадушек своих дышит мать, не надышится, а они худющие оба, в чём только душа держится, кости на них во какие, хоть хомуты вешай.

Об сладких ли кусках думать, когда всё на тебе рвётся и расползается. День ко дню ложился, как кирпич к кирпичу. Так и жили без кокур, без варакушек, на сухом куске. Об жареве, об вареве ли тут думать? Феклуша опурилась работавши, а прокормить своих галчат не в силах была. А сам-то Иван – мужик горячий да шалой»⁴².

Как не вспомнить тут говорок солженицынской Матрёны: «Не уметьши, не варёмши – как утрафишь?». Наверно, именно такими и были они, те русские женщины прошлого.

В целом же многое в семье Ивана Рулёва соответствует фактам из жизни семьи Кочкуровых. Как и герой рассказа, Иван Кочкуров был крючником, т. е. грузчиком, работавшим на пристани. Как и у Рулёвых, в семье Кочкуровых выжило только двое детей – Николай, ставший Артёмом Весёлым, и его младший брат Василий (1910–1978). Как и у Рулёвых, все дети в семье Кочкуровых умирали во младенчестве, а семья жила в бедности на окраине Самары. Биографическими чертами своих родителей Артём наделил и героев пьесы «Разрыв-трава». Фёдор Карга – ломовой извозчик, который, как и отец Артёма, в конце концов, тяжёлым трудом накапливает денег для покупки пролётки. И детей у них тоже только двое⁴³.

Метрические книги

Можно было бы принять эти факты, как в достаточной мере обрисовывающие жизнь моих прадедов в Самаре, но у меня всегда было чувство

---

⁴² *Весёлый А.* Первая получка // Избранное... – С. 288–289.

⁴³ *Весёлый А.* Разрыв-трава. 1919 // Семейный архив Артёма Весёлого, Москва. – Папка 77; *Весёлая Г. А.* По бездорожью XX века : семейные истории. – М. : Минувшее, 2017. – С. 188.

полной отрезанности от них, поскольку и гибель Артёма в сталинских застенках, и последовавшая затем смерть его родителей в Москве навсегда оборвали живую связь с этой линией моих предков. Каково это – узнавать о своих прадедах из книг?! Ведь и моя бабушка Люся, и старшие дочери Артёма практически ничего не знали о его предках. В Самарский архив из Австралии, где я жила с семьей с 1990 года, так просто не съездишь, да и как найти что-то в этих архивах?! Но уже где-то в Америке поворачивались невидимые колёсики судьбы, церковь Святых последних дней, известная у нас как мормоны, заключала договоры с архивами на территории постсоветского пространства, и архивы начинали переснимать свои фонды на микрофильмы, копия которых отправлялась в подземный бункер в Солт-Лейк-Сити, в США. В 2009 году я узнала, что через центр семейной истории в Канберре, где я живу, можно заказывать эти микрофильмы. При отсутствии детальных каталогов приходилось действовать почти наугад, да и каждый микрофильм шёл по почте месяц-два, так что мои поиски предков Артёма растянулись на несколько лет, но всё-таки эти поиски принесли свои плоды.

Первой моей задачей было найти запись о браке Ивана Николаевича Кочкурова с Федорой Кирсановной и узнать девичью фамилию моей прабабушки и её происхождение. Единственным фактом, которым я располагала, было её утверждение, что она родилась в один год с Лениным, которое запомнилось её внучкам-пионеркам Гайре и Заяре именно из-за Ленина. Мой план был прост – пересмотреть метрические книги всех церквей Самары за конец 1880-х – 1890-е годы – а их было более десятка – и найти запись о её браке и о рождении детей. На заказ микрофильмов из каждой церкви уходил месяц, а то и больше, но через полгода счастье улыбнулось мне – я нашла запись о браке в 1889 году в Успенской церкви Самары крестьянина Симбирской губернии Ардатовского уезда Апраксинской волости деревни Печенейки Ивана Николаевича Кочкурова, 25 лет, и крестьянской девицы Самарской губернии и уезда Воскресенской волости деревни Русских Липягов Федоры Хрисанфовой Пятилетовой, 19 лет⁴⁴. Эта находка буквально открыла ящик Пандоры – следующие несколько лет ушли у меня на составление генеалогий предков моих прадедов, и ныне древо Артёма насчитыв-

---

⁴⁴ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 33. Ед. хр. 496. Л. 95, об. Здесь и далее отчества (напр. Хрисанфова) приводятся в форме, использовавшейся в метрических записях.

ваит 89 прямых предков и сотни его родственников. Но прежде чем мы отправимся в прошлое их семей, взглянем пристальнее в жизнь семьи Ивана и Федоры.

В людях

Разыскивая запись о браке Ивана и Федоры, я попутно выписывала из метрических книг самарских церквей данные обо всех Кочкуровых, живших в Самаре. О том, как Кочкуровы оказались в Самаре, я знала благодаря находке Заяры Артёмовны, которая, посещая Самару в 1971 году, нашла и расспросила двоюродную сестру Артёма Анну Васильевну Шепелеву, урождённую Кочкурову. Согласно этому семейному преданию, Николай, дед Анны и Артёма, живший в Алатарском уезде, «застыл, поеха<в> куда-то за хлебом» – вероятно, замёрз. К тому времени его первая жена умерла, и он был «женат на другой». Мачеха докормила <пасынков> до весны», а потом всех троих увезла в Самару и бросила на постоялом дворе «у дворника, торговавшего сеном». Василию, отцу Анны, в то время было 12 лет, Егору около 10, и Ивану, отцу Артёма, – 8. Дворник же отдал детей Сапункову. «На телеге и выросли. <Сапунков> держал лошадей. <...> Ребята <возили мешки с зерном> с элеватора на железнодорожную станцию. <...> Штаны, рубашку купит – и ладно». Среди братьев Иван был самым слабосильным, но, когда подрос, «приглянулся сапунковской сестре. Но девушка была рябая, ему не нравилась: “Куды мне эдака тёрка!”»⁴⁵.

Благодаря метрическим книгам живые воспоминания удалось дополнить фактами. Как оказалось, юные братья Кочкуровы, которых мачеха привезла в Самару около 1875 года, имели там родного человека – примерно в то же время в Самаре поселился их дядя Степан Фомич Кочкуров (1834–1892). В отличие от своего младшего брата Николая Фомича (ок. 1840 – ок. 1874), Степан Фомич в конце Крымской войны был взят рекрутом в армию, но отслужил не весь 15-летний срок, а был отпущен немного раньше, «по билету» и как «билетный солдат» вернулся

---

⁴⁵ Рассказ А. В. Шепелевой в записи З. А. Весёлой // Семейный архив Артёма Весёлого, Москва. – Папка 49; Дневник З. А. Весёлой, Куйбышев, дополнения. Литературная обработка воспоминаний см.: *Весёлая Г. А., Весёлая З. А.* Судьба и книги Артема Весёлого. – М. : Аграф, 2005. – С. 9–10.

в родные Печенейки (или, используя современную орфографию, Пичинейку), женился и с молодой женой приехал в Самару.

Сапунковы же, у которых росли братья Кочкуровы, были известной разветвлённой купеческо-мещанской самарской семьей. У каких именно Сапунковых поселились братья Кочкуровы, помогают выяснить метрические книги. Егор Самсонович Сапунков (р. 1856) выступает в качестве крёстного у Степана Фомича в 1882 году, а затем свидетелем на свадьбе Василия Николаевича в 1885 году. Вскоре крёстными у Василия становятся и племянники Егора – Иван Иванович Сапунков (р. 1867) и Александра Ивановна Сапункова (р. 1868). Их отец, Иван Самсонович Сапунков (1834–1870), умер рано, и они, вероятно, жили с дедом Самсоном Андреевичем Сапунковым (1794–1885). По всей видимости, у них «на телеге» и выросли братья Кочкуровы. Разыскания в Самарских архивах помогут выяснить, где же располагался дом Сапунковых, но уже и сейчас, по косвенным источникам, можно предположить, что эта семья Сапунковых жила в районе Воскресенской улицы. В 1887 году Иван Иванович жил в собственном доме в Заплавном переулке, отходившем от Воскресенской улицы в сторону Самарки, а дом Егора Самсоновича, согласно справочнику «Вся Самара на 1900 год», располагался во «Втором узеньком переулке», отходившем от Воскресенской улицы. Вполне вероятно, что «рябая тёрка», т. е. тетёрка, из воспоминаний Анны Шепелевой – это Александра Сапункова, которая выросла на одном подворье с Иваном Кочкуровым и затем была крёстной у его брата. Надо сказать, что жизнь её сложилась благополучно – в девицах она не осталась и в 1886 году вышла замуж.

Отметим, что Сапунков появляется у Артёма Весёлого в качестве пародийного литературного персонажа в главе «Клюквин-городок» (входила в романы «Страна родная» и «Россия, кровью умытая»). До революции этот Сапунков – приказчик, который метит в купеческие зятья, и хотя революция меняет расстановку сил, «умному человеку и при революции жить можно. За полгода купцов приказчик перебивал в эсерах, анархистах, максималистах и перед Октябрем переметнулся к большевикам»⁴⁶ и заговорил революционным новоязом. У этого героя был реальный мелекесский прототип, не имевший отношения

---

⁴⁶ *Весёлый А.* Россия, кровью умытая... – С. 312.

к самарским Сапунковым, но, видно, фамилия крепко запала в память будущего писателя.

Самарские адреса Кочкуровых

Отказавшись вступить в брак с Александрой и войти в состоятельную семью Сапунковых, Иван, очевидно, женился по любви – на деревенской девушке Федоре, у которой не было ни кола, ни двора. Анна Васильевна вспоминала, что они жили на монастырском подворье, но не назвала, в каком именно монастыре; кроме того, она упоминала, что Артём родился где-то на Уральской улице, недалеко от бани⁴⁷. Уральская улица – ныне улица братьев Коростелевых, и на ней действительно есть баня около Ильинской площади. Метрические книги также помогают реконструировать топографию их жизни в Самаре. Первого ребенка, Клавдию, они крестили в Покровской церкви, затем, на протяжении 1890-х годов были прихожанами Троицкой церкви; в это время, согласно полицейским отчетам о смерти их детей, семья Ивана жила в 1-й полицейской части Самары – это старый район города, расположенный у впадения реки Самарки в Волгу. В самом начале XX века, вскоре после рождения Артёма, семья переехала в 3-ю часть города (к северу от 1-й части) и стала прихожанами другой церкви – Ильинской, а их последний сын, Василий, родившийся в 1910 году, был крещён в Воскресенской церкви.

И первая, и третья полицейские части города – это вполне уважаемые районы Самары. Вместе с тем юность Артёма не без основания связывается с самарской «рабочей слободкой». Она присутствует, например, как жизненный этап в его автобиографии 1930 года:

«Самара
Рабочая слободка
Волга
Деревня
Дон – Черноморье [...]»⁴⁸.

---

⁴⁷ Рассказ А. В. Шепелевой в записи З. А. Весёлой...

⁴⁸ *Весёлый А.* Автобиография // *Никитина Е. Ф.* В мастерской современной художественной прозы. Т. 2: Александр Малышкин, А. С. Новиков-Прибой, Александр Яковлев, Артём Весёлый. – М. : Никитинские субботники, 1931. – С. 173.

О ней он вспоминает и в своей последней прижизненной публикации – стихотворении «Пушкин»:

Пушкин и Хлебников – мои любимые поэты.

С юности и до последнего вздоха.

Пушкин блеском своего гения

осветил мою раннюю молодость,

проведённую в логове рабочей слободки⁴⁹.

Рабочая слободка – место действия и произведений о Рулёвых. В рассказе «На верной тропе» топография представлена вполне конкретно: «Слободка куталась в пыльный, дымный вечер. По размытой дождями и развороченной мостовой гремели долгуши ломовиков, дребезжали пролётки. <...> От тюрьмы к слободке через обширную площадь шли кучки ребят и девчонок с макаронной, со спичечной, с конфетной фабрики Гребезова»⁵⁰. Описана слободка и в раннем варианте рассказа «Первая получка»: «Жизнь в городе, как в огромном котле, закипала с окраин. Чуть светок – полслободки на ногах. Суетливо катили свои тележки торговцы, на ходу крестясь на занимающийся восток. Озабоченно бежали бабы на базар. За слободкой горбились фабрики, запрокинув в серую муть утра хоботы труб»⁵¹. В 1935 году, путешествуя по Волге, Артём посетил места своей юности в Самаре. В семейном архиве Артёма сохранилась стенограмма его выступления в журнале «Смена»:

«Я вырос в рабочей слободке. <Во время поездки> пошёл туда в так называемое Дуброво, Афон, где мы мальчишками рыли червей на рыбалку. <...> Раньше что было характерно для слободки? Работали на трубочном заводе, на литейном заводе Герасимова – вся слободка работала. Что было характерно раньше? Выпивки, хулиганство, поножовщина, вечерки с девками, драки. Сейчас это в значительной степени пошло на убыль»⁵².

Трубочный завод, находившийся на севере Самары – это место, где и сам Артём работал летом во время каникул 1915 и 1916 гг., обучаясь

---

⁴⁹ *Весёлый А.* <Пушкин> // 30 дней. – 1937. – № 2. – С. 48.

⁵⁰ *Весёлый А.* На верной тропе // Избранное... – С. 295.

⁵¹ *Весёлый А.* Первая получка : рассказ // Юный коммунист. – 1922. – № 15–16. – С. 33.

⁵² *Весёлый А.* Впечатления о поездке по Волге. <Стенограмма выступления в журнале «Смена», 1935> // Семейный архив Артёма Весёлого, Москва. – Папка 94. – Л. 5.

в Самарском училище им. Тургенева. Топонимы, упомянутые Артёмом, также находятся в северной части города. Дубровой назывались остатки лесного массива, ранее подходившего к Самаре с севера, а район Свято-Николаевского монастыря, находившегося к югу от Трубочного завода, был известен как Афоны.

И, наконец, документирован адрес, по которому Артём проживал в 1917 – начале 1918 гг. Поступая на работу в Самарский губернский продовольственный комитет в качестве счётчика в июле 1917 года, он указал свой адрес как «ул. Троицкая, д. 227, кв. 2»⁵³. Тот же адрес фигурирует в объявлении от 22 февраля 1917 года о потерянных Артёмом документах, обнаруженном Михаилом Перепёлкиным в местной газете⁵⁴. Дом 227 располагался на северном отрезке Троицкой – ныне Галактионовской – улицы и принадлежал Евфимии Васильевне Рузановой, владелице сада, умершей в 1915 году.

Возможно, эти городские окраины к северу от Воскресенской церкви Артём и называет рабочей слободкой. Но можно выдвинуть и другую рабочую гипотезу. Под рабочей слободкой мог фигурировать и Мещанский посёлок, находившийся к началу XX века за пределами городской черты, к востоку от Соловьёиной улицы (ныне – ул. Мичурина). Учитывая, что первоначально, согласно записям в метрических книгах, Кочкуровы жили в 1-й и 3-й частях города, можно предположить, что в рабочей слободке они поселились не сразу, а в 1910-х годах, когда Мещанский посёлок стал застраиваться и заселяться мастеровыми и рабочими, а к 1917 году семья могла перебраться на Троицкую улицу.

Семья Федоры и Кирсана

При бедности и жестокости жизни, выпавшей на долю семьи Кочкуровых в Самаре, неизбывным горем ложилась на них и смерть детей. Не случайно и в «Первой получке», и в автобиографии Артёма эта трагедия становится элементом лаконичного портрета матери. Феклуша из «Первой получки» «родила-родила <...>, счёт потеряла»⁵⁵, у Федоры Кирсановны же, как писал Артём, было 14–15 детей; в семейных пре-

---

⁵³ Дело о службе Кочкурова Николая Ивановича // ЦГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 4400.

⁵⁴ Объявления // Волжский день. – 1917. – 22 февраля. – С. 4.

⁵⁵ *Весёлый А.* Первая получка // Избранное... – С. 289.

даниях фигурирует и 16 детей, однако по метрическим книгам Самары мне удалось найти сведения только об одиннадцати детях. Первой была Клавдия, умершая в 4 месяца от лихорадки, следующие – близнецы Феодосия и Иван – прожили один день, умерев «от слабости», затем родились одна за другой две Евдокии, тоже умершие во младенчестве. В то время бывали случаи, когда двоих детей в семье называли одним и тем же именем, но у Кочкуровых выбор этого имени был не случайным – ведь у старшего брата Василия тоже родились и умерли одна за другой две Евдокии. Евдокия – это было имя матери Ивана и Василия, умершей в далёкой Пичинейке в декабре 1873 года, когда Ивану было лет семь. Вот этот лучик света, память о своей матери братья и несли в сердцах всю жизнь, пытаясь сохранить его в именах своих детей, и это лишний раз говорит о том, что артёмовские жестокие типажи самарского «дна» отнюдь не были копиями его родных. Николай, будущий Артём Весёлый, названный, вероятно, в память отца Ивана, родился шестым, когда люлька у Федоры Кирсановны снова была пуста. Он выжил, но дальше были новые потери – близнецы Константин и Серафима, умершие один за другим от энтерита в возрасте 10 месяцев, а затем Борис и Михаил, тоже умершие от желудочно-кишечных заболеваний. Надо сказать, что эти болезни, часто переходившие в эпидемию холеры, в те годы свирепствовали по всей Самаре. От холеры умер в 1892 году Степан Фомич, дядя братьев Кочкуровых; в 1910 году от холеры же умер Егор, брат Ивана, и в том же году от водянки умер старший брат Ивана – Василий. Сам Артём писал об этом с чувством социального протеста: «Братья и сёстры. Перемерли все до 3-х летнего возраста. Причины: плохой уход, питание, отвратительные жилищные условия, разные детские болезни»⁵⁶. Своего последнего ребёнка, родившегося в 1910 году, Федора и Иван назвали в честь умершего Василия, и он тоже выжил. Было ли действительно у Федоры и Ивана 16 детей, мы не узнаем, но, возможно, в этот счёт входили младенцы, умиравшие до того, как их успевали окрестить и зарегистрировать в церкви.

Старшие братья Ивана – Василий и Егор – и их семьи были ближайшим кругом контактов семьи Ивана и Федоры. У Василия, женившегося на самарской мещанке Марии Сорокиной, было 14 детей, причём

---

⁵⁶ *Весёлый А.* Я в свете науки... – Л. 58.

многие, как и у Ивана, умерли во младенчестве, выжили пятеро. Мария Сорокина была крёстной Николая (Артёма), что ещё больше укрепило связи между семьями. Егор, взятый в армию – в 1892 году он числится запасным унтер-офицером, – начал семейную жизнь поздно, и первая его жена, как записал священник, умерла «от спиртных напитков». Судьбы старших братьев Ивана дали материал для юношеского рассказа Артёма Весёлого «Братя Рулёвы». Стив Левин представляет этот малоизвестный рассказ: «На окраине города, в рабочей слободке, отдалённой от центра обширной грязной площадью, осенью и весной превращающейся в непроходимое болото, живут в старой развалившейся бане два нищих брата – Степан и Григорий Рулёвы. Хотя братья небогаты – Степан знает сапожное ремесло, а Григорий умеет играть на гармонике и балалайке, нищенство для них – основной способ добывать пропитание. Занимаются они этим давно, с тех пор как у Степана сгорела мастерская и умерла жена»⁵⁷.

Присутствуют сыновья Василия, призванные в армию во время Первой мировой войны, и в рассказе-очерке Артёма Весёлого «Далёкое зарево»: «Служили на германском фронте два моих старших двоюродных брата – Иван и Михаил. После неоднократных ранений их снова гнали на фронт. Дезертировали, их ловили и с маршевыми ротами гнали опять на позицию... Семнадцатый год, революция, пьяный от радости тыл – митинги, демонстрации, – а на далёких фронтах продолжали греметь орудия, гибнуть солдаты. Письма братьев волновали меня, в письмах же агитировал их бежать с фронта, но по причинам, тогда для меня непонятным, фронт, хотя и поредевший, продолжал стоять. И подумал я съездить туда сам, всё рассмотреть и разузнать на месте. Это было в последних числах декабря семнадцатого года»⁵⁸.

Эта поездка стала первым погружением Артёма Весёлого в «Россию, кровью умытую».

Осеннее

В 1957 году дочери Артёма Весёлого Гайра и Заяра познакомились с Фриной Меерзон, юношеской любовью Артёма, для которой в 1921 году

---

⁵⁷ Левин С. Артём Весёлый. Начало творческой биографии... – С. 90.

⁵⁸ Весёлый А. Далёкое зарево // Избранное... – С. 410.

он «издавал» рукописную «Фринину газету» в одном экземпляре. Два номера этой газеты и письма Артёма к Фрине вносят новые штрихи в историю творческой лаборатории писателя. Осень 1921 года, когда он жил в разлуке со своей любимой, стала для него периодом творческого взрыва. В одном из писем он писал Фрине: «Громадную силу и невиданной величины талант чувствую я в себе, так же как женщина чувствует под сердцем ребёнка». Артёму в то время едва минуло 22 года, позади была самарская юность на Волге, фронты Гражданской войны, агитпоезд «Красный казак», работа в провинциальных газетах корреспондентом, а затем редактором, и первые пробы пера, которые он потом назовет «порой оголтелого ученичества»⁵⁹. Художественные тексты, вышедшие из-под его пера к этому времени, – это добротные работы реалистического «горьковского» плана из жизни самарской слободки, очерки о Гражданской войне, в которых он ищет новые формы, например, звукоподражания, агитационно-новаторская пьеса «Мы», дошедшая до нас в урезанном редакцией варианте и, по отзыву Анатолия Глебова, «малевински яркая» «Масленица»⁶⁰.

Литературные работы, созданные Артёмом в период этой «Болдинской осени» 1921 года, позволяют увидеть творческую лабораторию молодого писателя в новом свете. В частности, рассказ «Осеннее» выбивается из его прежних работ и своим философским содержанием, и изысканностью, и сложностью языка, и мастерским владением ритмической прозой. Кажется невероятным, чтобы юноша, «первый грамотный в роду», получивший четырёхклассное образование в городском училище, настолько свободно владел литературным языком, образностью, сложностью мышления! Это лишний раз свидетельствует о том, как многогранна была личность Артёма и что самарский период его обучения и становления нуждается в более глубоком исследовании.

Рассказ «Осеннее» интересен и тем, что это первый подступ к роману «Гуляй, Волга», историзм которого – это призма с проекцией и в прошлое, и настоящее. Для нас же этот текст – живое свидетельство того, как важна была для Артёма глубинная связь с его предками. «И мой самый далёкий и самый близкий предок – частица меня самого», – говорит он.

---

⁵⁹ *Весёлый А.* Первый полный перечень работ напечатанных и непечатанных // *Весёлый А.* Пирующая весна. – <Харьков> : Пролетарий, <1929>. – С. 549.

⁶⁰ *Глебов А.* Молодой Артём // *Новый мир.* – 1963. – № 11. – С. 192.

Связь эта ему видится не только как кровная, но и как «подсознательная инстинктивная», как некие единые «физические и духовные корни». Вот, например, одна из его попыток отобразить это единство: «И наши предки в своих натурах уже носили нас, и мы сейчас носим зёрна их характеров и привычек. И когда они уходили в бега, то вместе с ними уходили уже и мы, ещё не родившиеся на свет, но уже посеянные в их душах и натурах». Или в другом месте: «Не десять, не двадцать и не тридцать годов живёт каждый из нас. Десятки, сотни, тысячи, десятки и сотни тысяч веков за нашими спинами. Столетия упорной суровой борьбы с людьми белой кости. Каждый из нас вынес много чёрной нужды и лишений»⁶¹. В этих своего рода антропософских размышлениях о мире и месте человека в нём, о цельности и многослойности мироздания Артём раскрывается перед нами с неожиданной стороны. Возможно, что этот юношеский интерес Артёма Весёлого к антропософии, совсем не характерный для пролетарского писателя, привёл его и к творчеству Андрея Белого, и к творчеству Велимира Хлебникова, почитателем которых он был. «Хлебников – зерно человека будущего»⁶², – писал он, а об отношении Артёма к Андрею Белому вспоминала Люся Борисевич: «Он любил А. Белого по его произведениям и когда однажды впервые увидел его в редакции «Кр<асной> нови», то быстро подошёл к нему, снял с него головной убор, чтобы увидеть его лоб, и обнял его и расцеловал. Так описал он мне их первую встречу»⁶³.

Кочкуровы из Пичинейки

В «Осеннем» Артём так вплетает генеалогию своих предков в своё ощущение прошлого: «Мой отец Иван, и его отец Николай, и отец его отца Фома, и отец Фомы Кондрат – крестьяне деревни Печенейки Симбирской губ. Ардатовского у. Апраксинской волости. Все их жизни я чувствую в себе. Их думы хранятся в моей памяти, как слепо отпечатанные репродукции дрянных картин. А вот у деда Кондрата – Гордея жизнь была яркая, а потому и передалась мне свежо. И всю жизнь Гордея я ося-

---

⁶¹ *Весёлый А. Осеннее // Избранное... – С. 278, 279, 288, 285.*

⁶² *Весёлый А. Призыв // Кручёных А. 15 лет русского футуризма 1912–1927 гг. : материалы и комментарии. – М. : Всерос. союз поэтов, 1928. – С. 5.*

⁶³ *Борисевич Л. И. Артем... – С. 2.*

заю и помню так же ясно, как вчерашний прожитый день. И детство, и юность, и вся жизнь Гордея передо мной, как в кино...»⁶⁴. Далее следовал яркий эпизод из жизни юного Гордея и его отца – атамана волжской ватаги разбойников, зарубленного в бою.

Казалось бы, всё ясно – вот она, искомая генеалогия! Остаётся посмотреть метрические книги и ревизские сказки (переписи) Печенеек, и я узнаю, кто были предки Артёма. Говорят, что в генеалогии надо идти от известного к неизвестному, от настоящего – в прошлое, но сделать это не так-то просто, когда архивы недоступны. И я начала с конца – во время поездки в Москву побывала в Российском государственном архиве древних актов. На первых порах мне повезло: благодаря помощи сотрудника архива я получила две старинные книги с переписью населения Пичинейки за 1744 и 1762 годы – это были 2-я и 3-я ревизии⁶⁵. Деревня называлась Печенеи и относилась к Верхалаторскому стану. Электронное копирование в те времена было невозможно, и я провела неделю в архиве, перерисовывая букву за буквой постпетровскую скоропись, пока постепенно не научилась читать такие тексты. А переписывать пришлось жителей всей деревни, т.к. фамилий у крестьян не было, но меня поддерживала надежда, что среди этих сотен имён где-то прячутся и мои предки.

Следующий этап оказался более сложным – перекинуть мостик от артёмовских Николая – Фомы – Кондрата и, вероятно, мифического Гордея к этим ранним ревизиям. Метрические книги села Ахматова, в приходе которого находилась Пичинейка, попали на мормонские микрофильмы только за несколько лет (1829, 1842, 1844, 1849, 1856, 1857 годы): они были переданы в губернский архив и хранятся ныне в Государственном архиве Ульяновской области (ГАУО). Ревизских сказок Пичинейки в Ульяновском архиве не нашлось. Но тут мне на помощь пришли специалисты с форума Всероссийское генеалогическое древо (ВГД) – «Илько» и «Ульяновск». Илько (кстати, так звали героя любимого рассказа Артёма «Дикое сердце», и это казалось добрым знаком) вызвался помочь в Центральном государственном архиве Республики Мордовии в Саранске – этот архив, к сожалению, не микрофильмирован. Метриче-

---

⁶⁴ *Весёлый А.* Осеннее // Избранное... – С. 279–280.

⁶⁵ Верхалаторский стан, д. Печенеи, 1744–1745 гг. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 36. Л. 342–351, об.; Верхалаторский стан, д. Печенеи, 1762 г. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 51. Л. 271–288, об.

ских книг Ахматова в Саранске за первую половину XIX века не обнаружилось, но мы разработали план поиска по ревизским сказкам, которые частично сохранились, в основном за 1782–1834 годы. Сначала искали мы Фому Кондратовича, а поскольку такового не нашлось, выбрали Кондрата, подходящего по возрасту, благо имя редкое. Его удалось соединить с переписями 1762 года, но всё-таки у меня не было полной уверенности, что это предки Артёма.

И тут произошло второе счастливое событие – «Ульяновск» нашёл в ГАУО исповедные ведомости за 1836 и 1853 годы по Пичинейке. По ним, да по нескольким сохранившимся метрическим книгам за середину XIX века удалось найти семью Николая Фомича, деда Артёма. Оказалось, что отца Фомы звали отнюдь не Кондрат – это была фантазия Артёма, обошедшаяся нам во много часов работы! – а Михаил. Пришлось проводить всё исследование заново, но теперь сомнений в том, что мы на верном пути, не было. И какова же была радость, когда удалось восстановить всю цепочку Кочкуровых по мужской линии:

Лазарь (ок. 1635–)
Фома Лазарев (ок. 1660–)
Григорий Фомин (1683–1746)
Фёдор Григорьев (1726–)
Тимофей Фёдоров (1752–)
Михаил Тимофеев (ок. 1790–)
Фома Михайлов (1812–)
Николай Фомин (1834 – ок.1875)
Иван Николаев Кочкуров (1865–1942)
Артём Весёлый (1899–1938)

Отчества здесь приведены в той форме, как они писались в документах XVII–XIX веков.

Этот опыт показал, что в эпоху, когда у крестьян не было фамилий, самым верным способом восстановления крестьянской генеалогии является составление генеалогии всей деревни, что я и проделала для жителей Пичинейки по всем имеющимся материалам. Это позволило восстановить генеалогию не только основной фамилии, но и, во многих случаях, жён предков Николая Фомича. Например, когда оказалось, что в середине XIX века в Пичинейке жило одновременно три женщины

по имени Ксения Михайлова, я смогла определить, какая именно из них стала женой Фомы, установив их точный возраст по ревизским сказкам. После этого можно было восстановить и её семью до начала XVIII века. В общей сложности, к настоящему времени удалось восстановить имена 37 прямых предков Ивана Кочкурова; среди них есть пара, которая появляется в древе дважды – и как прапрапрадеды со стороны отца, и как прапрадеды со стороны матери⁶⁶.

Фамилии у жителей Пичинейки стали появляться в метрических книгах очень поздно, к середине 1870-х годов, причём в ряде семей фамилии некоторое время были неустоявшимися – членов одной и той же семьи записывали то под одной фамилией, то под другой. Часто в крестьянских семьях фамилии образовывались от прозвищ или по имени прародителя. Так получилось, например, и в семье жены Николая Фомича, Евдокии Ермолаевой, в честь которой, как мы помним, братья Кочкуровы четыре раза называли своих дочерей в Самаре. Семья Евдокии получила фамилию Егоровы вероятно в честь её деда Егора, умершего в 1820 году.

Ещё глубже была связь с прародителями у Кочкуровых. Эту фамилию в Пичинейке в 1870-х годах взяли члены трёх семей, общий предок которых, Тимофей Фёдорович, родился в Пичинейке в середине XVIII века. Происхождение её вполне вероятно от топонима Кочкурово – сёла с таким названием есть в Мордовии; одно находится километрах в 35 к югу от Пичинейки в Дубёнском районе, а второе – подальше, за Саранском. Есть Кочкурово и на север от Пичинейки, в Нижегородской области. В основе этого названия лежит эрзянское имя Кочкур, которое в свою очередь произошло от топонима Коське ур – Сухая возвышенность. Учитывая, что генеалогия предков Кочкуровых известна по ревизским сказкам до второй половины XVII века, а фамилия появилась лишь в 1870-х годах, нет оснований полагать, что фамилию такую взял переселенец из села Кочкурово или потомок Кочкура. Скорей всего это было использование находящегося поблизости топонима. Надо сказать, что семья Артёма, по крайней мере после переселения в Москву, произносила свою фамилию с ударением на последнем слоге – Кочкурóв, в то время как топонимы имеют ударение Кочкúрово.

---

⁶⁶ Полная генеалогия всех предков Артёма Весёлого будет представлена на сайте автора <https://artemvesely.com/>

Русский, татарин, калмык?

И здесь самое время поговорить об этническом происхождении предков Артёма. Его жена, Люся, писала об Артёме и его семье: «Был в полном смысле широкой натурой, в то же время не было в его облике ничего типично русского: ни носа картошкой, ни расплывчатых черт лица и пр. Нос короткий, но тонкий, с вырезанными ноздрями. <...> На том месте, где у мужчин-славян растёт борода до глаз, у него растительности не было. Он любил баранину, запах лошадиного пота не был ему противен и т. п. Артём был похож на своего отца. Отец был очень красив, лучше Артёма даже в старости, и похож на турка. Родина Артёма в Липягах, деревня около Самары на берегу Волги, и я всегда шутила, что в Артёме течёт татарская кровь»⁶⁷.

Эту иноэтническую примесь замечали в облике Артёма и его современники. Виктор Баныкин, например, видел в нём «писателя необыкновенной самобытности, всем своим обликом так похожего на русского заволжского мужика, прадеды которого в незапамятную седую старину породнились с монголами»⁶⁸. Николай Любимов писал о сходном впечатлении: «Я сразу почувствовал в нём волжанина с азиатчиной в крови: на это указывал разрез глаз и непокорное их выражение»⁶⁹. Георгий Шолохов-Синявский вспоминает об Артёме как о «русском богатыре» с «тёмно-карими, очень живыми глазами, с тяжёлыми нависающими на них пухлыми веками. Эти тяжёлые монгольские веки и делали его, по обыкновению, добрый, весёлый взгляд несколько угрюмоватым»⁷⁰. Льву Правдину тоже запомнились «узкие глаза его, прикрытые монгольскими пухлыми веками»⁷¹. Сергей Бондарин, встретивший Артёма в 1925 году, увидел его несколько по-другому: «В дверях стоял довольно рослый дядька: стриженная голова, широкое, румяное, слегка калмыцкое лицо, блестящие, чуть-чуть косые глаза, солдатские усы»⁷².

---

⁶⁷ *Борисевич Л. И.* Артём... – С. 6.

⁶⁸ *Баныкин В.* Артём Весёлый. Страничка воспоминаний // Волжская коммуна (Куйбышев). – 1962. – 9 декабря. – С. 3.

⁶⁹ *Любимов Н. М.* Неувядаемый цвет : кн. воспоминаний. Т. 2. – М. : Языки русской культуры, 2004. – С. 129, 217.

⁷⁰ *Шолохов-Синявский Г.* Артём Весёлый в Ростове // Дон. – 1967. – № 3. – С. 185.

⁷¹ *Весёлая Г., Весёлая З.* Судьба и книги Артёма Весёлого... – С. 333.

⁷² *Бондарин С.* Тёплая майская ночь // Наш современник. – 1962. – № 5. – С. 176.

Анатолий Глебов при первой встрече с Артёмом в 1919 году тоже обратил внимание на его глаза: «Продолговатое безусое лицо парня было пунцово от холодного ветра. Большие карие глаза, вдумчивые и добрые (Гомер назвал бы их обладателя «волооким»!)»⁷³. Люся, пожалуй, оставила лучшее описание этих глаз: «С прекрасными большими карими глазами, открыто глядевшими и оттенёнными густыми бровями. Яркий румянец во всю щёку несколько смягчался летним загаром, почти не сходявшим с лица до нового. Глаза его одна поэтесса назвала “дремучими”, и это было удачно сказано»⁷⁴.

Но самое интересное свидетельство о себе оставил сам Артём. В письме Фрине он сравнивает их лица:

«В твоём – ум, энергия, сила, сосредоточенность.

В моём – неорганизованность, мечтательность, экзальтация. Я не сказал бы, что моё лицо невыразительно, но в нём выразительность другого типа, не западного. В моей наружности и характере много восточного. 8/10. Вглядишься в последнюю карточку, которая тебе понравилась – перед тобой что-то среднее между татаринном, монгольцем и китаецем. Фанатизм, как и любовь, – великая сила, двигающая миром. Он присущ восточным народам; присущ фанатизм и мне»⁷⁵.

Попытка выяснить, кто же были предки Артёма по тесту ДНК, пока не дала определённых результатов. Y-хромосомный тест его единственного потомка по мужской линии показал, что предки Артёма принадлежали к протославяно-балтской гаплогруппе R-YP578, распространённой на территории центральной и северной России, однако он не выявил никаких близких родственников для уточнения его этнического происхождения⁷⁶. Ближайшие дальние совпаденцы Артёма – финны (полное совпадение на 25 маркерах), но это родство может уходить в прошлое на тысячелетия. Об этническом происхождении матери Артёма, Федоры Кирсановны, мы ещё поговорим; истоки же происхождения его отца надо искать в прошлом деревни Пичинейка, где предки Артёма по всем линиям со стороны отца жили уже к началу XVIII века, но, возможно, и намного раньше.

---

⁷³ Глебов А. Молодой Артём... – С. 191.

⁷⁴ Борисевич Л. И. Артём... – С. 6.

⁷⁵ Весёлый А. – Меерзон Ф. 21 ноября 1921 // Семейный архив Артёма Весёлого, Москва. – Папка 4. – Л. 68.

⁷⁶ id:YF64220RUS [RU-MO] на <https://www.yfull.com/tree/R-YP578/>

Деревня Пичинейка – 300 лет истории

Деревня Пичинейка, в настоящее время опустевшая, располагается в Атяшевском районе Мордовии. Название деревни происходит от речки с одноимённым названием. Пичинейка течёт на юго-запад и, соединяясь с речкой Вечерлейкой, впадает в реку Ную; на левом берегу устья Пичинейки и выросла одноимённая деревня. Надо сказать, что на современных картах речка, впадающая в Ную, числится Вечерлейкой, а Пичинейка является её притоком. Название деревни и речки происходит от эрзянских слов «пиче лей», что значит «сосновый овраг, сосновая речка»⁷⁷. Окончание топонимов на -ейка – это результат адаптации в русский язык старинных эрзянских названий. В ранних документах XVIII – начала XIX века деревня нередко называлась Печенеи, затем Пиченейки или Печенейки – именно такую форму использовал Артём Весёлый. Ныне же написание названия – Пичинейка – восстановлено в форме близкой к эрзянскому языку.

Население деревень и сёл, окружающих Пичинейки, было преимущественно эрзянское. До русской колонизации в этом районе жили в основном эрзя и татары, причём татарские мурзы часто являлись землевладельцами. С началом русской колонизации в XV–XVII веках значительные массивы земель стали собственностью царской семьи, государства, дворян и военных, получавших земельные наделы за службу. На новых территориях происходило вытеснение коренного населения и расселение русских крепостных крестьян. Одновременно шло крещение эрзи и, отчасти, татар. Нередко татарские мурзы крестились и переходили на службу русскому царю. К XVIII веку крестьяне различного этнического происхождения продолжали жить в разных деревнях, хотя и по соседству. В переписях и справочниках XVIII–XIX веков нередко отмечалась этно-конфессиональная принадлежность населения: русские, мордва, мордва новокрещёная, татары. В 1744 году Пичинейка была одним из немногих поселений, где в одной деревне жили и русские, и татары.

С давних времен Пичинейка находилась в частном владении нескольких помещиков и считалась разновладельческим поселением. Это повлияло на плохую сохранность ревизских сказок по Пичинейке, но,

---

⁷⁷ *Инжееватов И. К.* Топонимический словарь Мордовской АССР. – Саранск, 1979. – С. 148.

тем не менее, по имеющимся материалам можно частично восстановить историю деревни.

Речка Пичинейка и прилегающие к ней территории упоминаются в переписи населения Алатырского уезда Нижегородской губернии 1623–1626 годов, в состав которых в то время входили эти земли. Перепись вела учёт только мордовского и татарского населения и не учитывала русское; деревня Пичинейка в ней не упомянута, так что, существовала ли она в то время, пока не ясно. Из переписи следует, что к западу от Нуи, у впадения в неё Пичинейки, жили «буртасовские татары», – особая этнокультурная группа татар, – а на другом берегу Нуи, к северу от устья Пичинейки были эрзянские земли бортников из Кержемана⁷⁸. Возможно, именно в это время произошло заселение Пичинейки переселёнными крепостными крестьянами. Нет Пичинейки и в переписи мордовского населения 1671 года, однако к этому времени она, вероятно, уже была основана и заселялась крепостными крестьянами.

Пока документально удалось установить, что одним из ранних владельцев Пичинейки был Корнил, сын Девлеткильдея князя Чегодаева. В 1681 году после принятия крещения он стал стольником, «имел поместный оклад 550 четей, в 1684 году получил поместье в д. Пичинейке 50 четей» (около 25 га). В 1692 году он передал эти владения своему зятю, кн. Андрею Ширинскому⁷⁹. Другой частью Пичинейки во времена первой ревизии 1722 года владел ещё один князь Чегодаев, Яков Фёдорович, предки которого, татарские мурзы, тоже приняли крещение. Очевидно, в начале XVIII века шло интенсивное заселение Пичинейки в результате пожалований, покупок и перепродаж крестьян, т. к. в 1744 году при численности населения деревни в 230 душ (мужчин) в ней числилось не менее 16 помещиков. Жители Пичинейки были прихожанами церкви села Ахматово, находившегося от деревни в 2 верстах на той же реке Нуе. Церковь в Ахматово была построена прихожанами в 1766 году, но её метрические книги за ранние годы, к сожалению, пока не обнаружены и, возможно, навсегда утрачены.

Предки Артёма по линии Кочкуровых и по другим линиям к началу XVIII века были крепостными самого крупного землевладельца деревни

---

⁷⁸ Мордовский фронтир в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII века). – Саранск, 2017. – С. 306.

⁷⁹ Там же. – С. 394.

Якова Фёдоровича Чегодаева. Ко времени второй ревизии 1744–1745 годов они перешли в собственность прапорщика Дмитрия Петровича Жмакина⁸⁰. Поскольку крестьян у помещика было много, то и многие браки совершались между его крепостными в Пичинейках; жён из соседних деревень брали лишь в редких случаях. Отношения между крестьянами и помещиками в Пичинейке, как и в других местах, были далеко не радужными. Во время восстания Пугачёва в 1774 году крестьяне Пичинейки «почитали, – как сообщалось в документах, – злодея Пугачёва государем». Ненадолго они взяли власть в свои руки, и жена Жмакина, Анисья Андреева, была повешена в Карсакове, а в Пичинейке повешена по воротам семья другого душевладельца – майора Растригина – его мать, жена и три дочери⁸¹. Один из «белых» героев «России, кровью умытой» так отзывается о революции: «Лишь кнут и петля, как во времена Пугачёва и Разина, способны унять разыгравшиеся страсти черни»⁸². После подавления восстания владелицей стала дочь убитой помещицы Наталья Дмитриевна Жмакина.

В 1780 году Пичинейка вместе с окрестными деревнями перешла из Верхоалаторского стана Алатырского уезда Нижегородской губернии в новообразованный Ардатовский уезд Симбирской губернии. В это время численность помещичьих крестьян в ней составляла 231 человек. К XIX веку владельцем предков Артёма стал титулярный советник Никифор Иванович Селиванов, многих крестьян он продал, а в 1808 году многих крестьян отпустил на волю, однако предки Артёма оставались крепостными до отмены крепостного права в 1861 году. К этому времени численность населения Пичинейки составляла 492 человека. После освобождения крестьяне должны были платить выкупные платежи и были связаны круговой порукой. Состояние дел в деревне было настолько тяжёлым, что в 1882 году Симбирская губернская управа отмечала, что «ещё до производства выкупа, в уплату господской недоимки, у крестьян был распродан почти весь необходимый в хозяйстве скот, затем вся деревня была истреблена пожаром. Вследствие этого за

---

⁸⁰ Верхоалаторский стан, д. Печенеи, 1744–1745 гг. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 36. Л. 344.

⁸¹ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачёва в Чувашии : сб. док. / под ред. В. А. Нестерова. – Чебоксары, 1972. – С. 413–414; Исторический архив / под ред. Б. Д. Грекова. Т. 8. – М. –Л., 1953. – С. 318–319.

⁸² *Весёлый А.* Россия, кровью умытая... – С. 123.

крестьянами и накопилась значительная недоимка выкупного платежа»⁸³. Это помогает понять поступок мачехи братьев Кочкуровых, Евдокии Андреевны Кочкуровой, которая, бросив детей на постоялом дворе в Самаре, по существу спасла их от голодной смерти в родной деревне. Это же помогает понять антипомещичий запал молодого Артёма, с которым он начал путь в литературе.

«Масленица» в Русских Липягах

Обратимся теперь к истории предков Артёма Весёлого со стороны матери. О них он писал: «Дед и прадед по матери. Дед Кирсан, гвардейский солдат, убит в драке. Прадед Иван – крестьянин. Видимо, человек с большой инициативой, имел хорошее хозяйство. Вёл крупную торговлю скотом. Содержал рыбачью артель»⁸⁴. Артём не упоминает, что они жили в деревне Русские Липяги, расположенной за Самаркой, к юго-западу от Самары, но деревня эта, несомненно, была частью его самарского детства и юности. Здесь жили родные его матери, и наверняка семьи бывали друг у друга в гостях. В 1927–1937 годах, сплавляясь каждое лето на лодке с верховьев Волги до Астрахани, Артём проплывал мимо Липягов и вполне вероятно говорил Люсе о деревне. По крайней мере, в воспоминаниях она не совсем верно написала: «Родина Артёма в Липягах, деревня около Самары на берегу Волги»⁸⁵.

Есть основания полагать, что образы Липягов и окрестных деревень, знакомых Артёму с детства, присутствуют в главах «Хомутово село» и «Сила солому ломит», входивших в «Страну родную», а затем – в «Россию, кровью умытую». В этом контексте их ещё предстоит проанализировать, но уже сейчас можно сделать любопытное наблюдение. Рассказ «В деревне на масленице», – свой первый литературный опыт, где он проявил себя как мастер полифонических картин, – Артём впоследствии включил в главу «Сила солому ломит». Карнавальность и избыточность этого рассказа не очень-то вяжется с тяжёлыми условиями жизни в деревне времён военного коммунизма и кануна чапанского

---

⁸³ Приложения к докладу Симбирской губернской управы о понижении выкупных платежей. – Симбирск, 1882. – С. 6.

⁸⁴ *Весёлый А. Я* в свете науки... – Л. 58.

⁸⁵ *Борисевич Л. И.* Артём... – С. 6.

восстания. И если работа в уездном Мелекесе в начале 1919 года дала Артёму жизненный материал для «Клюквин-городка»⁸⁶, то заволжские деревни, которые он посещал в это же время, отнюдь не могли дать материал для «Масленицы».

Разгадка этого противоречия может быть проста. Ключ к ней во фразе из «Масленицы»: «Только Ромку и видали. За ним всем челеном в Киватский конец ударились. Погамузились у церкви да кишкой назад»⁸⁷. Как мы увидим дальше – Кивать это один из уникальных микро-топонимов Русских Липягов; несомненно, что сцены масленицы Артём наблюдал именно там, ещё в той прежней, дореволюционной, изобильной жизни, и карнавальность деревенского бытия открылась перед ним именно во время этих визитов на родину матери, в Липяги. Эти воспоминания и вошли в рассказ «В деревне на масленице», почти не имеющий временной привязки и написанный в голодной Туле в начале 1921 года. Здесь можно провести параллель с изобильными пирами в «Крысолове» Александра Грина, написанном в голодном постреволюционном Петрограде в 1920 году. Включив «Масленицу» в «Россию...», Артём отчасти переработал текст, усилив временную привязку разговорами мужиков о войне и реквизициях и заменив «киватский конец» на «мордовский конец»⁸⁸. Но, тем не менее, дух «Масленицы» он сохранил, что и создало эпичность контраста деревни с городом. Этот контраст «торжествующей> сытост<и> хомутовцев» и «живущей на голодном пайке столицей» стал одной из тем блестящего исследования В. Скобелева⁸⁹.

Бой под Липягами

Однако самое драматическое посещение родины предков произошло у Артёма 4 июня 1918 года, когда отряды восставших белочехов наступали с юга на Самару. Артём был в составе боевой дружины самарских коммунистов, державших рубеж обороны под Липягами. В очерках, написанных вскоре после этого боя, он писал:

---

⁸⁶ *Весёлая Г., Весёлая З.* Судьба и книги Артёма Весёлого... – С. 84–85.

⁸⁷ *Весёлый А.* В деревне на масленице // Красная новь. – 1921. – № 4. – С. 70.

⁸⁸ *Весёлый А.* Россия, кровью умытая... – С. 393.

⁸⁹ *Скобелев В.* Артём Весёлый : очерк жизни и творчества... – С. 111.

«Чехи подтянулись и ударили в штыки. Наши части, лишённые общего руководства, штыкового удара не приняли и обратились в паническое бегство. И только отряд моряков-<балтийцев> не побежал. К нему присоединилась маленькая группа из нашей дружины. <...> Моряки дрались как львы, и ни один из них не вышел живым из этого боя. По широкой степи раскиданы их косточки. <...> Позади второй линии окопов протекала речка Татьяна. Больше тысячи человек чехи здесь захватили в плен. Товарищи, не захотевшие сдаться, бросились вплавь. На воде чехи подстреливали их и множество потопили. Потом пришлось бежать по раскисшим от половодья лугам и, кроме Татьянки, переплывать Дубовый ерик, Орлово озеро, Говнюшку, Сухую Самарку и только в количестве тридцати человек к вечеру этого дня мы добрались до Самары»⁹⁰.

Как видим, Артём хорошо знал топографию заливных берегов Волги, окружавших Липяги.

Вскоре, при обороне Самары, Артём был ранен в колено и чудом избежал расстрела белочехами. Воспоминания об этом бое послужили ему и материалом для первых художественных очерков. В момент смертельной опасности у его лирического героя вдруг с удивительной ясностью вспыхивает сознание, что «ведь мы все дети рабочих, крестьян, что наши отцы и деды носят на руках кровавые мозоли, по колена ушли в землю, работая на бар и господ. Так что же, и нам предстоит такая доля, и нам, и детям нашим придётся гнуть шею перед барином и собирать крохи с его стола? Так нет же, нет!»⁹¹.

Но здесь литературный образ совпадает с историческим – именно эту землю, на которой полегли сотни товарищей Артёма, полтора века поливали потом и кровью его предки, с которыми теперь мы познакомимся.

Генеалогия Русских Липягов

Исследовать генеалогию предков Артёма со стороны матери, Федоры Кирсановны Пятилетовой, оказалось гораздо легче истории Коч-

---

⁹⁰ <Весёлый А.> Бой под Самарой // Приволжская правда (Самара). – 1918. – 8 октября. – Подпись: Н. Кочкуров; <Весёлый А.> Год назад под Липягами (К годовщине чехословацкого нашествия) // Красный листок (Самара). – 1919. – 5 июня (или 6 июня?). – Подпись: Невесёлов.

⁹¹ *Весёлый А.* Сильнее смерти // Избранное... – С. 239.

куровых. Здесь мне повезло с самого начала. Отца Федоры – Хрисанфа или Кирсана – удалось найти в ревизских сказках 1850 и 1857 годов. Такое редкое имя носил лишь один член разветвлённой семьи Пятилетовых – Кирсан Семёнов. По метрическим книгам села Липяги удалось выяснить имя его жены, её звали Лукия (Лукерья) Ивановна Черёмухина (иногда эта фамилия писалась как Черёмин). Поженившись в конце 1860-х годов, они прожили вместе недолго – уже в 1872 году Лукия числится солдатской женой, т. е. Кирсана забрали в солдаты, где он, вероятно, и был убит, т. к. в метрических книгах Липягов и Самары записи о его смерти обнаружить не удалось. Из трёх дочерей у Лукии выжила одна Федора. Очевидно, не получив надела в Липягах, Лукия вынуждена была перебраться в Самару, где вышла замуж во второй раз, но больше детей не имела, и муж её вскоре скончался от чахотки, а она сама умерла в 1892 году, почти одновременно с первенцем Федоры.

Изучение истории предков Федоры Кирсановны позволило заглянуть и в прошлое деревни Русские Липяги. Оказалось, что семьи и Пятилетовых, и Черёмухиных были основателями этой деревни. Хотя ревизские сказки Липягов за XVIII век не обнаружены, генеалогии жителей деревни удалось восстановить до первой половины XVIII века, используя метрические книги и исповедные ведомости 1810 года. Генеалогию родителей Федоры можно представить так:

Иван Пятилетов (ок. 1720–)
Яков Иванов Пятилетов (1738–1821)
Михаил Яковлев Пятилетов (1782–1857)
Кирилл Михайлов Пятилетов (1804–)
Семён Кириллов Пятилетов (1825–1870)
Кирсан Семёнов Пятилетов (1847 – ок. 1877)

Матвей Черёмухин (ок. 1735–)
Иван Матвеев Черёмухин (1765–)
Иван Иванов Черёмухин (1801–)
Иван Иванов Черёмухин (1827–)
Лукерья Ивановна Черёмухина (1849–1892)

Удалось восстановить и генеалогии жён Пятилетовых и Черёмухиных – в общей сложности 49 человек прямых предков Артёма со стороны матери. Среди породнившихся с Пятилетовыми были Берловы, Адаевы, Подковырины, Голины, а с Черёмухиными – Глуховы, Горбуновы,

Дольновы, Дасовы. В XVIII веке в метрических книгах часто записи были без фамилий, и фамилии в некоторых семьях менялись. Например, Горбуновы раньше были Рябышкиными, а Глуховы – Клязузовыми.

Крестьяне Русских Липягов были крепостными, но, несмотря на ненависть Артёма Весёлого к «барам», индивидуального барина у жителей этой деревни не было – они принадлежали государству в разных его ипостасях. Например, Никита Андреев (ещё без фамилии), Голины и Адаевы были ясашными крестьянами, т. е. платили ясак (налог) натуральными продуктами; Пятилетовы, Черёмухины, Берловы, Горбуновы были комиссариатскими или кригс-комиссариатскими крестьянами, т. е. принадлежали военному ведомству, занимавшемуся снабжением армии; Глуховы и Подковырины были экономическими крестьянами, находившимися в ведении казённой палаты. Предки породнившихся с Черёмухиными Дольновых и Дасовых были самарскими купцами, перешедшими затем в мещанство. В дальнейшем жители Русских Липягов стали удельными крестьянами.

Этническое происхождение предков Артёма со стороны матери было, по всей видимости, преимущественно русским. На это указывает название деревни Русские Липяги; рядом с ней располагались две другие деревни с тем же названием Липяги: в Мордовских Липягах жили эрзя, а в Чувашских Липягах – чуваша. Уже к началу XIX века Русские Липяги были большой деревней, насчитывающей свыше шестидесяти дворов, и браки заключались преимущественно внутри деревни, однако бывало, что жители Липягов брали жён и из соседних деревень. Так, например, в 1810 году дед Кирсана, Михаил Егорович Берлов, взял в жёны Елену Михайловну Адаеву из деревни Городок (известную также как Гусарский городок). Расположена эта деревня к юго-западу от Русских Липягов на реке Моча (ныне р. Чапаевка). Семья Адаевых и другие жители этой деревни на рубеже XVIII–XIX веков числились «из мордвы новокрещённой»; по всей видимости, это было поселение эрзи, переселившихся сюда из Сызранского уезда⁹². Аутосомный ДНК тест дочери Артёма показывает, что этническая составляющая, которую она получила от отца, – Восточная Европа, т. е. преимущественно славянское

---

⁹² Создание Симбирского наместничества (губернии). 1780 год. Самарский уезд. Ведомость Симбирского наместничества 1780 года. 44. Гусарский городок // <http://archeo73.ru/Russian/18vek/gubernia1780/samar.htm>

происхождение. Таким образом, несмотря на уверения Артёма в том, что на 8/10 он азиат, факты свидетельствуют, что по этническому происхождению он был преимущественно русским.

Русские, Мордовские и Чувашские Липяги располагались на территории лугового левобережья Волги, к югу от Самарской Луки. Ещё в XVIII веке эти земли были известны как «дикопорозжая» степь, где кочевали ногайские татары и калмыки. С активизацией колонизации Заволжья во второй половине XVIII века на эти земли началось массовое переселение крестьян, которое происходило, по мнению историка Владимира Курятникова, «как официальным путём, по линии Симбирской Казённой Палаты, так и стихийно переселявшимися крестьянами, называвшими себя “не помнящими родства”»⁹³. К сожалению, найти архивные документы с указанием точной даты заселения Липягов пока не удалось. В. Н. Курятников, самый авторитетный автор в сфере истории Липягов, относит время заселения этого селения к 1766–1795 годам⁹⁴. На «Карте Симбирского наместничества» 1792 года на месте Липягов поселения ещё не обозначены⁹⁵. Первые метрические записи о жителях Липягов и Липового Ключа, – по преданию, так сначала называлось поселение, – относятся к 1797 году, что позволяет предположить, что массовое заселение деревни произошло незадолго до этого.

Но самые интересные сведения о давней истории Русских Липягов обнаружались в воспоминаниях старожила деревни Ивана Сергеевича Порунова (1888–1977). Он помнил, что когда Самара праздновала 250-летний юбилей в 1895 году, старики говорили, что в этот год Липягам исполнилось 111 лет. Таким образом, датой основания Липягов можно считать 1784 год. «Наша деревня, – писал И. С. Порунов в своих воспоминаниях, – заселялась крестьянами Симбирской губернии из сел Кивать и Кандарать, почему и получилось, <что> в деревне один конец Кивать, а другой Кандарать, разделённые площадью»⁹⁶. Отсюда и появился киватский конец в «Масленице» Артёма.

Микрокосм Липягов и окрестных поселений с их пёстрой этнической и конфессиональной принадлежностью, как и живописный рельеф окру-

---

⁹³ Курятников В. Н. Новокуйбышевск: полвека в истории. – Самара : Новая техника, 2002. – С. 10.

⁹⁴ E-mail от 11.02.2011 г.

⁹⁵ См.: Электронный ресурс http://www.etomesto.ru/map-ulyanovsk_1792/

⁹⁶ Копия рукописных воспоминаний в архиве автора.

жающей местности, пересечённой притоками Волги, старицами, пригорками и оврагами, вполне возможно, навяли Артёму образ родной земли в романе «Россия, кровью умытая». Так, глава «Хомутово село» открывается в нём вот таким поэтическим описанием:

«Дремали притихшие заволжские леса. В зимних полях почил великая тишина. Сыто дремала дремучая деревня, роняя впросонках пегушиныные крики и бормот бога колокола.

Над оврагом деревня, в овраге деревня, не доезжа леса, деревня, проезжа лес, деревня, в долу деревня, за речкой деревня. Богата ты, страна родная, серыми деревнями...»⁹⁷.

Бывшая Симбирская губерния – от Пичинейки до Русских Липягов – и была страной родной Артёма Весёлого, с которой он был связан тысячами нитей, питавших его творчество.

---

⁹⁷ *Весёлый А.* Россия, кровью умытая... – С. 351.